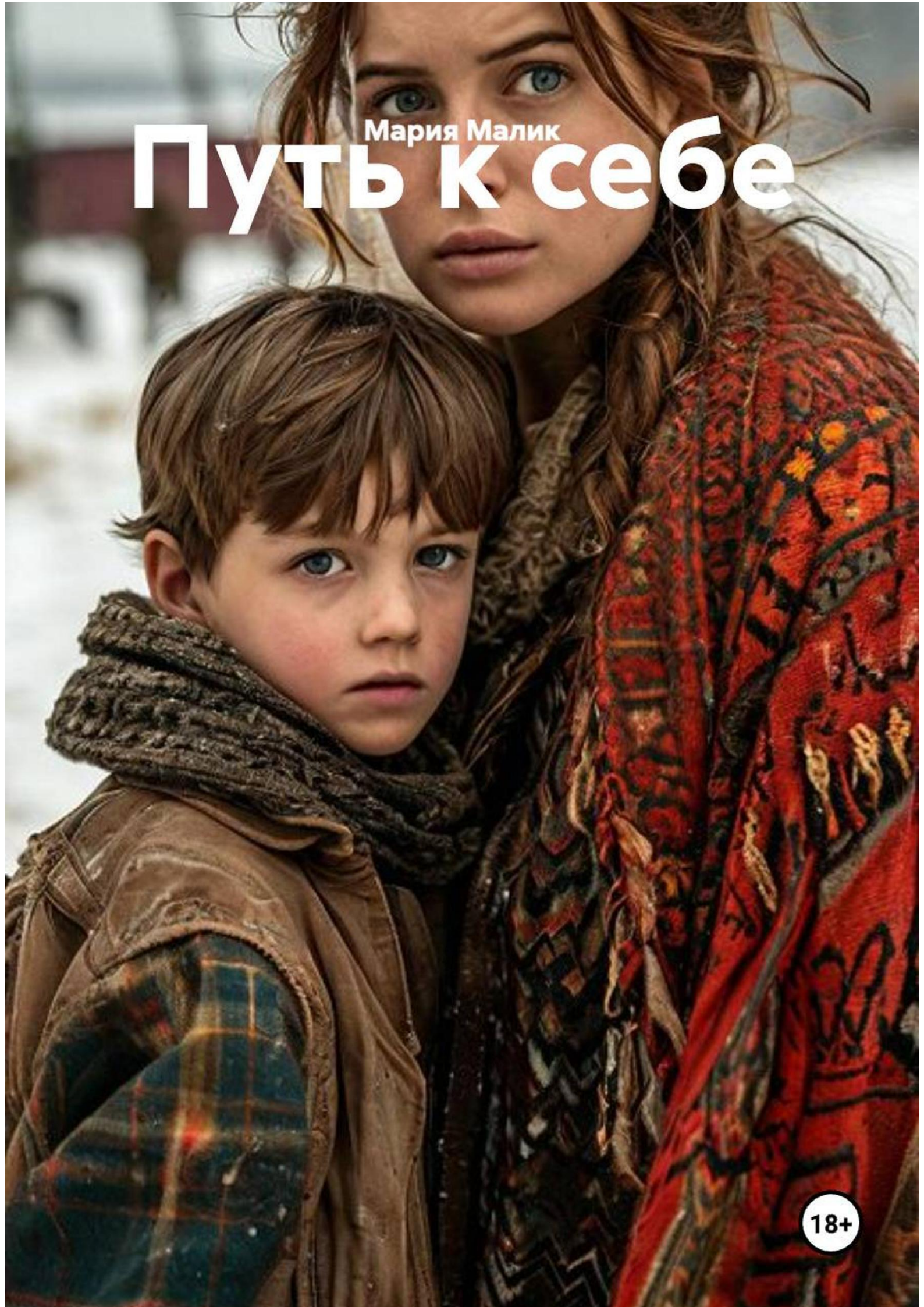

Мария Малик

Путь к себе

18+

Мария Малик

Путь к себе

«Автор»

2026

Малик М.

Путь к себе / М. Малик — «Автор», 2026

Юная Мария решается на отчаянный шаг: забрав двух летнего сына, она бежит от мужа-тирана на суровые просторы Сибири. Но чужой край встречает беглецов жестокостью бандитов, и, чтобы выжить и защитить ребенка, Мария вынуждена выйти замуж без любви, совершив сделку с собственной судьбой. Проходят годы, сын вырастает и отправляется на чеченскую войну. Он возвращается живым, но сломленным изнутри. Когда искалеченная мужская психика взрывается агрессией в адрес матери, а законный муж трусливо отворачивается, Мария понимает: защитить себя она может только сама. Сквозь череду тяжелых испытаний колхозным бытом, потерю близких и уход целого рода, страница за страницей героиня ищет дорогу к свету. Сможет ли женщина, посвятившая жизнь спасению других, наконец-то спасти саму себя и сохранить память о тех, кого любила больше жизни? Эта книга — пронзительная драма о силе материнской любви, предательстве и долгом поиске внутреннего света среди непроглядной тьмы. Проидите этот путь вместе с героиней !

© Малик М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Путь к себе

Глава

-

Вкладка 1

глава первая

Я горжусь тобой, сынок

Как прекрасен этот мир, посмотри!- пела гибкая пластинка из старенького проигрывателя.

Мария распахнула окно и сладко потянулась!

Через стекло серванта на неё смотрел аттестат с отличием. Аттестат выстраданный бесконечными зубрежками, слезами из-за четверок, разлукой с родителями, когда еще совсем маленьких человечков, увозили по ужасающему бездорожью на долгую шестидневку в районную школу!

Она взяла его в руки и мечтательно прикрыла глаза. Впереди нарисовались иллюзии: высокие достижения, исполнение мечт, путешествия!

Самое трудное в жизни- позади!!

Ха-ха-ха, прозвенел с высоты ироничный смех!

Взрослая Мария тяжело вздохнув, бережно поставила в раскаленную печь формы с пышным, хорошо подошедшим хлебом. По кухне поплыл аромат горячего хлеба- самый лучший в ее жизни. Но, для наслаждений, нет времени. Прямо в углу кухни, на старом табурете, ее ждала работа.

Мария села за швейную машину и включилась в процесс шитья. Ее руки двигались уверенно и быстро до тех пор, пока злобная машинка не зажевала нитку. Натруженные руки устало легли на холодную станину.

За стеной о чем то увлеченно спорили двое детей- школьников, деливших один на двоих письменный стол! Из спальни доносилось ровное мужское дыхание человека, когда то казавшегося опорой! А сейчас он постоянно ныл и спал, спал, спал, прячась от несправедливой жизни!

Я вошла в темную спальню!

-Леш, вставай, скотину кормить пора! У меня хлеб в печи!

-У тебя Никита есть - недовольно проворчал муж и поплотнее закутался в одеяло!

Вот , опять ! Опять перекладывает свою ответственность на пасынка- пятнадцати летнего подростка! На мгновение в голову ударила ярость , захотелось сорвать с него одеяло и выместить всю горечь разочарования!

Но скандалить - себе дороже! Портить нервы детям и себе!

Я набросилась на себя старенькую много раз штопанную, не имеющую цвета телогрейку и вышла из дома !

По лицу хлестко ударил холодный осенний дождь!

Навстречу мне выскочил тяжело дыша , преданно заглядывая в глаза и норовивший лизнуть в лицо, огромный рыжий пес !

-Граф- хитрюга !- беззлобно ворча, я застегнула на его шее ошейник.

-Защитник ты наш !- ласково потрепала довольного пса и заспешила в сарай , откуда , заслышав мой голос, доносилось мычание , хрюканье , бляенье !

Мне нравились эти звуки - они вселяли уверенность в завтрашнем дне и отвлекали от негативных мыслей!

-Мам, ты опять пошла одна ! Я же говорил !- донесся звонкий голос моего подросткового сына

Он стоял на крыльце в расстегнутой куртке и смешно ежился от налетевшего дождя!

Никита , серьезный не по годам мальчик, рослый и мускулистый (результат постоянных тренировок) , выхватил у меня ведра и побежал за водой на речку!

С малого возраста его привлекала военная тематика и двигала его в физическом и духовном развитии!

-И все же я счастливая! Дети у меня красивые и умные! - улыбнувшись , я смотрела ему вслед.

-Мам, а я сочинение написал про разведчиков, Дарья Лукмановна хвалила , сказала отправит на конкурс- с довольной и слегка горделивой улыбкой сказал сын !

-Я замерла с охапкой сена в руках, в груди разливалось тепло от гордости за сына , а в дальнем уголке , где-то глубоко зародилась тоска !

-Почитаешь вечером для меня? - с теплом спросила я .

Никита кивнул в ответ и на его серьезном лице засияла мальчишеская улыбка!

Наваждение растаяло ! Я аккуратно поставила на комод фотографию в рамочке с черной лентой! Сквозь стекло на меня смотрел уже взрослый- красавец мужчина в военной форме разведки!

Смахнув горькие слёзы, я пошептала- Я горжусь тобой сынок !

Пустота не ответила

Глава вторая .

Я обязательно дойду!

Ночь . Тишина такая , что хочется выть !

Пустая баночка из под снотворных белеет на прикроватной тумбочке !

Мысли , как голодные хищники , выедают мозг !

Чтобы хоть как-то отвлечься , я достала из шкафа краски , кисти (спасибо внучке за ее увлечение) и присела к столу , на котором призывно белел холст для рисования .

Рука как будто без моего участия заскользила по холсту : зима ,холод , одинокий путник направляет свою упряжку к одинокой избушке в надежде на тепло и отдых

-Батюшка , благословите ! -Я склонилась в поклоне !

Как здесь хорошо, тихо , спокойно , люди с приятными , светлыми лицами !

Сейчас запоем хор, и душа воспрянет , расправит крылья и полетит за этими прекрасными звуками колокола , призывающего жителей города на службу!

-Мам , привет ! Ты как ? - в трубке телефона зазвучал мелодичный голос дочки !

-Мам , мне очень жаль , что тебе приходится переживать ЭТО
в одиночестве !- с горечью прошептала Марина.

ЭТО ! Как будто так легче , как будто не так больно , но мы закодировали в нем слова-
Никита погиб !

В один из дней я почувствовала, как внутри меня оборвалась с острой болью струна

-Доченька , не волнуйся , я в порядке! - придав голосу живости , ответила я !

-Ты сама как ? Отдыхай побольше , очень много работаешь!

С того момента, когда ей установили страшный диагноз, прошло несколько лет ! Но прон-
зившую в тот момент боль , я ношу по сей день ! Эти две раны , как близнецы -сестры , посе-
лились в моем сердце навсегда !

Я с трудом перевела дыхание, смахнула подступившие слёзы и снова посмотрела на холст.

Моя рука дрожала , с трудом удерживая кисть, но мой взгляд приковал одинокий пут-
ник .Он ехал через бесконечные синие снега , сквозь зимнюю стужу

Ехал ни смотря ни на что!

Я макнула кисть в краску и дорисовала дымок из трубы, осветила окошки . Высоко в
небе появилась , едва заметная, путеводная звезда. Путник , ты не один во вселенной ! Тебя
ждёт тепло и уют !

-Я верю , ты найдёшь свой путь!

-И я обязательно найду!

Вкладка 3

.А поезд мчал меня в Сибирские морозы!

Глава третья.

Леденящий душу и тело -снег ! На этом покрывале прямо посреди улицы лежит тело
девушки в окружении алых пятен!

-Отпустите ее , черти- острым клинком отдавалось в голове юной красавицы

Мария с трудом открыла глаза , по пальцам заструилась алая , горячая кровь. Она все
вспомнила и дикий , утробный вой вырвался из ее горла !

В памяти один за другим замелькали кадры. Побег от мужа -тирана с ребенком на руках
-так далеко , чтобы не нашел!Вспомнила , как шла в магазин , сжимая в руках последние
копейки, вспомнила искаженные хищным оскалом лица мужчин в телогрейках!

А самое страшное- там в чужом доме остался ее маленький двухлетний Никитка !

-Терпи , девка , до свадьбы заживет !-

Мария вздрогнула и окончательно пришла в себя , над ней склонилась незнакомая жен-
щина , промакивающая кровь с ее лица.

Эта добрая женщина проводила меня до дома бабы Тани , которая милостиво приютила
нас с сыном !

Никита был в безопасности , я обняла сына старательно пряча лицо, слёзы облегчения
кровяными потеками закали на рубашечку малыша !

Валентина (так звали мою спасительницу) вместе с бабой Таней осторожно отстранили
меня от сына и уложили в кровать . В ход пошли примочки с бодягой , которыми добрые
женщины обложили мое разбитое лицо !

Ночь . Лежа в темноте под тиканье часов ,я смотрела в потолок . Лицо нещадно горело ,
но эта боль была ничем по сравнению с той , которая поселилась в моей душе!

Сибирь встретила меня жестоко .Леденящий холод чужого края , неизвестность и самое
страшное - люди - звери в телогрейках !

Они растоптали мою иллюзию о том что можно просто исчезнуть и все будет хорошо!

Это нападение отрезвило меня , показало , что опасность поджидает повсюду, это чужой край со своими законами !Законами , которым мне придется научиться, чтобы выжить и вырастить сына !

Я повернула голову и посмотрела на прижавшегося ко мне Никитку . Мой сыночек, мой ангел, смысл моей жизни ! Ради тебя я все стерплю и побои и лютый холод . В прошлой жизни остался муж-тиран , который сломал мне все надежды,был уверен, что я ни на что не способна и никому не нужна, но вот этот мужчина , которому я нужна! Ради него я буду сильной ! Назад я не вернусь!

Да , у меня в кармане остались последние копейки . Да, у меня лицо превратилось в синяк!

. Да ,Сибирь взяла мою кровь, но подарила людей- Валентину , бабушку Таню . Во истину-мир не без добрых людей !

Я повздыхала и провалилась в тяжелый сон .Да первое сражение за свою свободу я проиграла , но войну за жизнь своего сына я обязательно выиграю ! Чего бы мне это ни стоило !!!

Конец третьей главы.

Вкладка 4

Странные визитеры. Глава четвертая.

— Маша, к тебе пришли! — с удивлением сообщила мне баба Таня.

- Кто?.. - едва выговорила я.

Ужас буквально парализовал меня. Сердце ушло в пятки: неужели он нашёл меня? Нашёл так быстро?!

Через открытую калитку во дворе виднелись силуэты двух мужчин. По их покачивающимся фигурам было понятно — они мертвецки пьяны. Я присмотрелась, и в одном из них с огромным облегчением узнала мужа тёти

Вали. Тело немного расслабилось, но липкий страх полностью не ушёл.

Вместе с бабой Таней мы осторожно подошли к воротам.

— Маш... тебе моя ничего... не говорила? — спросил муж тёти Вали, едва ворочая распухшим от алкоголя языком.

Я не могла ответить. Не в состоянии даже пошевелиться, я с какой-то пугающей, леденящей ненавистью смотрела на второго.

Тот стоял молча и бесцеремонно разглядывал меня — медленно, цинично, словно покупатель выбирает корову на базаре. Под его скотским взглядом мне стало тошно. При этом он настойчиво, старательно тянул своего пьяного напарника с нашего двора!

Мы вернулись в дом , обсуждая странный визит незваных гостей и строя самые мрачные догадки. Зачем приходил муж Валентины? Что за скотский взгляд был у его приятеля? О чём меня должна была предупредить Валя? Вопросы повисли в воздухе, не предвещая ничего хорошего.

Прошло несколько дней. Они тянулись невыносимо долго, пропитанные липкой, тревожной атмосферой и предчувствием надвигающейся опасности. Каждое утро начиналось с одних и тех же мыслей, которые тяжёлым грузом терзали душу: «Как жить дальше? Что делать? Куда бежать, если нас найдут?».

Но судьба решила нанести новый удар там, где я меньше всего ожидала. Как назло, сильно заболел Никитка. Наш побег в сибирские морозы не прошёл бесследно для двухлетнего малыша. Вид моего маленького, горящего в лихорадке сына разрывал мне сердце на части. Беспомощность душила: лекарств нет, денег нет, а за окном чужой , опасный мир!

Утро нового морозного дня принесло неожиданный сюрприз. На пороге нашего дома появился тот самый мужчина, который еще пару дней назад так бесстыдно и цинично разглядывал меня у ворот.

Сегодня он выглядел совершенно иначе.

Наглаженные стрелки брюк выглядели такими острыми, что об них, казалось, можно порезать палец. Новая дорогая куртка, аккуратная стрижка и шлейф хорошего парфюма — от прежнего пьяного напарника не осталось и следа. Мужчина скромно топтался на пороге, переминаясь с ноги на ногу, пока баба Таня вежливо не пригласила его пройти в дом.

— Маша, извини за наш прошлый пьяный визит, — мягко произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Я просто не ожидал увидеть здесь такую девчонку

Он пробыл у нас недолго. Немного посидел, еще раз извинился и, распрощавшись, ушел. Тем же вечером к нам прибежала тетя Валя.

Взволнованная и улыбчивая, она с порога пригласила нас с Никиткой к себе на ужин. Я немного поколебалась, внутри все еще сидел страх перед незнакомым местом. Но, видя, что сыну наконец-то стало лучше и он повеселел, я согласилась.

Было ли у меня предчувствие? Да, было.

Сердце предательски сжалось, когда мы переступили порог дома тети Вали. За столом сидел ОН - Лёша.

Вечер прошел на удивление тепло. После сытного и уютного ужина Лёша вызвался проводить нас с малышом до дома бабы Тани. Но, пройдя совсем немного по темной морозной улице, он вдруг остановился, внимательно посмотрел на меня и тихо, но уверенно сказал:

— Ну что, Мария... пойдём домой?

В его голосе не было угрозы, но было что-то такое, чему я не смогла противостоять.

И я пошла

Пошла не потому, что поверила ему или забыла прошлый кошмар. Это был шаг абсолютной, выжигающей изнутри безысходности. Шаг женщины, которой больше некуда идти.

Вкладка 5

Новая жизнь

Глава пятая.

Утро нового дня, да что это я - новой жизни, встретило меня незнакомой обстановкой и холодом, из-за которого мы с

Никитой не решались выбраться из под одеяла.

Наконец я решилась. Оказалось, что мы в доме одни, холодная, не топлёная дровяная печь, тишина, на кухонном столе белеет записка: - Вода в ключах, голова на плечах !- говорила она незнакомым почерком! Под ней расположилась яркая купюра в двадцать пять рублей!

Еще ничего не поняв, я испугалась вошедшего пожилого мужчины- А Лешка где ? - спросил он меня, даже не удивившись моему присутствию в доме (как потом оказалось)его сына.

Я застыла посреди незнакомой, пахнувшей сыростью и старым деревом комнаты, инстинктивно пряча за спиной зажатую в кулаке двадцатипятирублевую купюру.

Сердце колотилось где-то в горле. Никита под одеялом замер, испуганно тараща на незнакомца заспанные глаза.

- Не знаю, — голос подвел, прозвучал тихо и хрипло. — Мы проснулись, а его уже нет. Только записка на столе

Старик перевел взгляд с меня на белеющий клочок бумаги, затем на холодную, сиротливую печь. На его лице не отразилось ни удивления, ни злости — лишь глубокая, высеченная морщинами усталость человека, который привык к подобным фокусам. Он тяжело вздохнул, стащил с головы поношенную шапку и устало опустил на колченогий стул у входа.

- Сбежал, значит. Опять вляпался, паршивец, — глухо пробормотал он.

Он замолчал, рассматривая свои узловатые, покрытые трещинами руки рабочего человека. Я смотрела на него, и внутри меня снова заворочался тот самый липкий страх, который, казалось, ненадолго отступил вчерашним вечером.

Вчера всё казалось другим. Когда тётя Валя, взволнованная и непривычно улыбчивая, позвала нас с сыном к себе на ужин, я шла туда с замиранием сердца ! И когда за столом в её уютном доме я увидела ЕГО - аккуратно подстриженного, в дорогой куртке, пахнущего хорошим парфюмом, — мне на секунду показалось, что прошлый кошмар действительно остался позади. Лёша выглядел надежным. Он уверенно вел меня по темной морозной улице, и его вопрос: «Ну что, Мария... пойдём домой?» прозвучал как спасение. У меня просто не было сил сопротивляться. Это был шаг выжигающей изнутри безысходности - шаг женщины, которой больше некуда идти.

И вот я здесь. В холодном чужом доме, с чужим стариком, лицом к лицу с очередной Лешкиной тайной.

Он вдруг встрепенулся, словно очнувшись от тяжелых мыслей, и посмотрел на притихшего под одеялом Никитку.

— Ладно, девка, чего уж теперь, — он кряхтя поднялся со стула и подошел к печи, заглядывая в нее— Меня Николаем Афонасьевичем зовут!

Но едва первый робкий огонек затеплился в печи, жадно облизывая сухие лучины, входная дверь с грохотом отворилась. Вместе с клубами морозного воздуха в дом буквально ввалился

Леша. Он тяжело дышал, его щеки горели от холода, а руки были до предела обвешаны шуршащими пакетами и какими-то свертками.

Широко, во весь рот улыбаясь, он сгрузил всё это богатство прямо на немытый пол перед озадаченным отцом, который так и застыл на корточках у открытой печи сжимая в руке кочергу.

— Я с работы отпросился! — весело, взалхлеб объявил Лёша, сбрасывая на ходу дорожную куртку. — Событие такое...Батя, встречай невестку! Я женился!

И, совершенно не стесняясь ошарашенного, тяжело дышащего отца, Лёша в два шага подлетел ко мне. Прежде чем я успела хотя бы отстраниться или вымолвить слово, он обхватил меня за плечи и звонко, по-хозяйски чмокнул в холодную щеку. От него пахло морозной свежестью, всё тем же парфюмом и. уверенностью!

Я замерла, чувствуя, как краска стыда и ужаса заливает лицо. Какая женитьба? Мы едва знали друг друга, за плечами был лишь один вчерашний ужин ! Никита из-под одеяла испуганно пискнул, переводя взгляд с сияющего Лёши на его отца.

Николай медленно поднялся с колен.

Опираясь на кочергу, словно на посох, он смерил сына долгим, тяжелым взглядом

— Женился он... - глухо, с угрозой в голосе сказал отец Леше !

Николай Афонасьевич замолчал, и в избе на секунду повисла такая звенящая тишина, что было слышно, как весело трещат разгорающиеся в печи дрова. Я затаила дыхание, ожидая бури.

Но бури не случилось. Тяжелые, посеченные

морщинами губы старика вдруг дрогнули. Его строгое лицо разгладилось, он озорно, совсем по-молодецки улыбнулся и уверенно сказал:

— Молодец! Горжусь тобой, мужик!

С этими словами он с размаху, по-медвежьки впечатал свою широкую ладонь в ладонь сына и крепко, по-мужски пожал ему руку.

Лёша довольно хохотнул, явно довольный произведенным эффектом. Между отцом и сыном мгновенно установилось то самое мужское понимание !

- Ну, чего стоишь, Машунь? - Леша обернулся ко мне, его глаза лихорадочно блестели. — Давай, одевай малого, сейчас пировать будем! Гляди, чего я принёс!

Он бросился потрошить пакеты !

Атмосфера в доме мгновенно сменилась с тревожной на шумно-праздничную!

Я стояла как ледяной столб и отказывалась верить глазам ! Не могла даже пошевелиться!
Но , внезапно, все решил Никитка !

Мой тихий , еще минуту назад испуганно выглядывающий из под одеяла малыш , с восторгом переводил взгляд с Леши на угощения и обратно! И неожиданно для всех проговорил:- Папа !!

Это слово прозвучало, как гром среди ясного неба! Сын , вряд ли осознавая , решил нашу судьбу

Вкладка 6

Мы выбираем , нас выбирают Глава шестая.

.Леша ловко собирал на стол: водрузил пузатый самовар, налил в миску черничное варенье, в другую — сгущенное молоко из большого бидончика! Это меня очень удивило, потому что в те далекие времена и баночка сгущенки была дефицитом во многих местах страны.

Николай Афанасьевич, даже не присев за стол, опрокинул в рот стопку водки, крикнул и засобиравшись домой:

— Пойду свою собачку порадовать!

Леша одобрительно кивнул и, усмехнувшись, посмотрел на меня.

Никитка был доволен, макая хлеб в сгущенное молоко и впервые дорвавшись до такой порции! Я попыталась ему подсунуть кусочек колбаски, но он с таким возмущением взглянул на меня, что я решила: «Пусть насладится!»

Чтобы хоть что-то сказать, я решила сделать Леше комплимент:

— Ты такой хозяйственный!

— Маша, я только один раз, а тебе всю жизнь обо мне заботиться! — и весело рассмеялся. Мы неспешно ели, беседовали, узнавая друг друга.

Вдруг входная дверь распахнулась, и на пороге возникла женщина — разъяренная женщина! Она, без предисловий, набросилась на Лешу:

— Ах ты безголовый, ты кого домой приволок? — и полетели в меня ядовитые стрелы от мамы Леши!

Если вы думаете, что я удивилась? Нет, в свои двадцать с небольшим лет я уже знала, что за все хорошее нужно платить, и не произнесла ни слова! Только крепко прижала к себе Никитку, давая понять, что не позволю обидеть!

Мать, выговорившись, хлопнула дверью и, продолжая громко свой монолог, быстро удалилась.

Леша после ухода матери взял меня за руку, погладил по головке Никиту и сказал:

— Маша, не переживай, она успокоится и примет вас! В следующий раз, когда она придет, ты просто назови ее мамой! Это растопит ее сердце, потому что ни одна из снох ее мамой не называет!

Убрав со стола, я стала укладывать сына — малыш устал и зевал во весь рот!

В тишине спальни наконец разложила все события по полочкам, проанализировала и пришла к выводу: жизнь поломана, всё рухнуло! Какая теперь разница, как доживать свою жизнь!

Наступило утро.Тихая и спокойная ночь утихомирила все эмоции, и Маша встала с постели в полной решимости: «Я Мария, я хозяйка этого дома!»

Леша уже растопил печь, и она с ловкостью принялась готовить завтрак.

А вот и гости — на пороге мама Леши!

— Мама, вы как раз к столу! — вежливо пригласила Мария, решив, что она выше всяких скандалов. Жизнь всё покажет!!

Ульяна Матвеевна ошарашенно смотрела на меня, и её уже открытый рот закрылся (я даже щелчок услышала) Молча, мирно и тихо прошел наш завтрак.

Марина

Глава седьмая.

Время мчится, не обращая внимания на людские беды и радости, ему всё равно, кто, где и как!

Мария тяжело уселась верхом на поваленное дерево — восемь месяцев беременности это не шутка. Слёзы рекой полились из глаз:

— Лёша-а, я застряла! — пропищала она из зарослей малинника.

Они с Лёшей при каждом удобном случае ныряли на мотоцикле в тайгу, запасы на зиму пополнялись исправно! Мария всё это любила, она стала хозяйюшкой, «волшебницей», как ласково называл ее муж!

Ульяна Матвеевна не могла нарадоваться: у сына весь двор в цветах, в огороде всё благоухает, в сарайчике пара поросят подрастает! Семья-то получается хорошая, вот и пополнение скоро!

Мария расцвела, вся светилась от счастья, и Лёша летал на крыльях. Везде вместе: И По грибы, и по ягоды, даже на рыбалку втроем — несмотря на то, что комары тучами нападали и спасением был только дымокур !

Вот и осень пришла. Уже побывали первые заморозки, тайга освободилась от комаров и гнуса. Я любила это время: красота вокруг невероятная, а воздух такой, что не надышишься!

В двадцатых числах сентября выпал первый снег. Невозможно передать словами картину, которая открылась моему взору: многоцветье астр склонилось под белыми шапками, и цветы переливались на солнце, словно самоцветы!

На заре следующего дня я проснулась от острой боли в пояснице и поняла: пора пришла! И к обеду в нашей семье появилось маленькое чудо — красивая девочка весом 4300!

Счастье переполняло меня, ведь я всю беременность ласково называла её Маринкой!

Нас положили в небольшую палату, в окне которой сразу показались лица мужа и сына!

Счастье переполняло. Все мы с невероятной любовью и нежностью смотрели на нашу Мариночку, завернутую в яркую пелёнку с красными цветочками. Из коридора доносились возбужденные события: больница была маленькая, общая, и новость разлетелась быстро.

На следующий день Лёша привёз телеграмму от моей мамы - она поздравляла и благословляла нас.

Марина своим рождением всех примирила!

Если оглянуться на прошлое, то нужно признать: мое первое, неудачное и страшное замужество посекло в кровь всю мою семью — маму, братьев, бабушку.

Сбежать с ребёнком на руках было выстраданным решением. Решением, принятым тогда, когда чувствуешь себя загнанной в угол собакой, на которую со всех сторон замахнулись палками!

Но всё это, слава Богу, осталось в прошлом.

Впереди- только счастье!

Черная птица. Глава восьмая.

Наступила зима. Но в нашем маленьком срубном доме всегда было тепло и уютно, несмотря на то, что печь топилась практически круглые сутки!

Сибирь — красивый и суровый край. Край с большой и тяжёлой историей, через который прошли миллионы судеб. В те годы в тайге ещё не зарос Екатеринбургский тракт, по которому когда-то гоняли ссыльных.

Однажды в наш домик прилетела чёрная птица — в почтовом ящике обнаружилось письмо. Нашёл!.. Этот человек без моральных устоев, поднимавший руку на беременную жену, протянул свою лапу и попытался разрушить наше юное счастье.

Лёша читал это послание, и на его обычно добром лице ходили желваки. Я замерла в ужасе. Никитка, очень тонко чувствовавший моё состояние, обнял меня за ноги и таращил свои глазёнки на отца (да, отца!).

Сколько грязи было в том письме! Как же тот человек старался уничтожить, раздавить женщину, которой когда-то клялся в любви и которая дала жизнь его семени. Да, именно семени, потому что сын — мой и только мой!

Наконец послание закончилось и полетело в топку, где и сгинуло. Лёша взглянул на нас и сказал, нежно улыбаясь:

— Ну что притихли, мои? Будем чай пить?

Подготовка к новогодним праздникам в счастливой семье — это особенное настроение, ожидание чуда и волшебства!

Лёша с Никитой и нашим грозным псом Боем сходили в лес (точнее, прямо за наш огород) и принесли красивую ёлочку, которая благоухала живой смолой и морозом.

Надо сказать, это не очень хорошая традиция — срубить живые деревья, но что было, то было!

Установив ёлочку во влажный грунт, мы весело, всей семьёй нарядили нашу красавицу. Даже маленькая Маришка помогала нам, то и дело звонко подпевая:

- На, на, на!

В один из послепраздничных дней, когда Лёша был на работе, наша дверь открылась и впустила моего старшего брата с женой! Я бросилась их обнимать, и из груди вырвались рыдания — только в этот момент я поняла, как же сильно соскучилась по ним, по своим родным людям!

Быстро пролетели праздники. Гости, довольные тем, что сестра счастлива, улетели домой, но в моей душе поселилась такая крепенькая тоска!

Не зря говорят, что счастливые часов не наблюдают! Так было и в нашей семье.

Солнечных дней становилось всё больше, и даже в сорокаградусный мороз на пригорках уже подтаивал снег. Хвойный лес сиял, усыпанный инеем, словно яркими бриллиантами!

И вот в один из таких дней в наш дом прилетела страшная весть — умерла моя любимая бабушка. Она, без преувеличения, была мне второй мамой. Бабушка рассказывала мне — нет, не сказки — истории о своей настоящей жизни. О том, как они с мужем и маленьким сыном уходили от страшного голода на Украине; как по пути едва не лишились сына, который свалился в глубокий, заросший травой овраг. Как за ними гнались киргизы и грозили порубить, крича: «Секир-башка!» Учила меня старинным песням, например: «Как служил солдат службу русскую...».

Бабушка, с которой я рассталась на самой трагической ноте своей жизни

Мы спешно засобирались на мою родину, тогда еще не зная, что это — начало конца.

Весна уже шла полным ходом по моей родине, и весенние звонкие ручьи весело бежали, размывая оставшийся снег!

Похороны бабушки прошли тихо...

Настало время живым подумать о живых! Мама познакомилась с Лёшей, и они поладили друг с другом. После моего первого опыта это обстоятельство было особенно важным! Я так думала в то время.

Как же хорошо дома! Как же не хочется уезжать... Казалось, если бы не оставили Никитку с бабушкой Ульяной, ни за что бы не поехала обратно!

В последний день перед отъездом появился мой первый муж. Вместо меня к нему на встречу вышел Лёша. Несмотря на мои опасения, он вернулся целым и невредимым, заявив радостно: «Пообещал написать отказную от сына!»

Сердце замерло, а в голове на мгновение воцарилась звенящая пустота. Отказная?

Неужели всё может решиться так просто, одним росчерком пера на листе бумаги?

В тот момент мне показалось, что с моих плеч свалилась огромная, давящая скала.

Прошное, которое камнем тянуло меня назад, вдруг само сделало шаг в сторону.

Я смотрела на Лёшу, и внутри росла волна огромной благодарности. Он не просто защитил меня от неприятной встречи — он молча, без лишних слов, взял на себя решение проблемы, которая казалась мне неразрешимой.

Именно тогда, в тот весенний день, я окончательно поверила: рядом со мной мужчина, на которого действительно можно опереться.

Но радоваться в полную силу мешал тихий, едва слышный голосок интуиции. На обратном пути, под стук вагонных колес, я то и дело возвращалась мыслями к этой сцене.

Я слишком хорошо знала своего первого мужа, чтобы поверить в его внезапное благородство. «Действительно ли он откажется от сына или это просто уловка?»

- этот вопрос неотступно следовал за мной, смешиваясь с весенним шумом ручьев моей родины, которую мне так не хотелось покидать.

Мы возвращались обратно, к сыну и к нашей новой жизни, еще не подозревая, какие испытания на самом деле готовит нам судьба и какую цену придется заплатить за этот призрачный покой.

Дмитрий

глава девятая

Вернувшись домой после встречи с

Алексеем, Дмитрий шаткой походкой подошел к ведру с водой. Схватил ковшик и начал жадно, захлебываясь, пить. Вода текла по подбородку, заливая воротник рубахи, но это его только злило.

— Гадина... Убью! — прорычал он и со всей силы запустил пустой ковшик в стену.

Оцинкованный металл жалобно звякнул, отскочив на пол.

На шум из соседней комнаты, перепуганно озираясь, вышла мать.

— Дима, что случилось? Ты заболел?

Но стоило ей сделать шаг навстречу, как она поняла: сын пьян до невменяемости. Мать резко отшатнулась. Она слишком хорошо знала повадки своих мужчин — сначала покойного мужа, теперь вот сына. После таких их «загулов» ей не раз приходилось повязывать платок пониже, чтобы скрыть от соседей синяки!

— Эта сука мужика привезла! - Диму трясло от ярости, кулаки сжимались сами собой. - Сына моего усыновить хочет?! Убью!

Подвернувшаяся на свою беду табуретка с грохотом полетела в стену, расколовшись на щепки. Зло хлопнув дверь, Дмитрий выскочил во двор и зашагал вдоль по плохо освещенной улице, куда глаза глядят. Ночной воздух не трезвил, а только раздувал обиду и злость. Ему нужно было выпить еще, заглушить эту удушающую ярость, но карманы были пусты.

Устав бродить, он заметил тусклый свет в окне одинокой избушки на окраине. Дима знал, что здесь живет незащитная одинокая старушка. Решительно, без стука, он толкнул незапертую дверь и вошел в сени.

В доме было тихо, пахло сухими травами и парным молоком. На свое счастье, хозяйка в это время отлучилась в сарай доить корову.

Дмитрий воровато огляделся. Пьяный взгляд зацепился за старенькую деревянную шка-тулку, стоявшую на комод под зеркалом.

Он рванул крышку - внутри лежали свернутые в трубочку рубли. Дима сгрёб чужие сбережения в карман, перевернув шкатулку, и бросился вон.

Вот только богатство было невелико,

а деревенские законы суровы: здесь на одном конце деревни подумают, а на другом уже всё знают.

Старушка, вернувшись и обнаружив пропажу, сразу побежала к участковому, который жил на соседней улице. Пьяного, злого Диму с деньгами в кармане взяли тепленьким прямо у местного магазина.

Уже утром Дмитрий ехал в милицейском

УАЗике, угрюмо глядя на мир через зарешеченное окошко. Его ждал новый, совсем не призрачный путь!

Там где речка , речка Бирюса

глава десятая

«Дом - милый дом! Маша с удивлением обнаружила, что сильно соскучилась по своему новому гнездышку. А уж по Никитке — и словами не передать! Правда, новость о том, что сынок у бабушки хлебнул вместо компота синьку, не на шутку её испугала. Но Никитка был весел, бодр и чувствовал себя прекрасно.

Перед самым отъездом Маша занималась побелкой к Пасхе, но известие о смерти бабушки заставило бросить всё на полпути. Едва улеглись первые эмоции от долгожданной встречи с сыном, как она снова засучила рукава и принялась наводить порядок.

Надо сказать, Маша выбеливала весь дом к каждому большому празднику, а кухню — и вовсе каждую неделю!

Наверное, подсознательно пыталась доказать окружающим. смотрите, какая я работающая да неутомимая!

Так и полетели дни в бесконечных заботах и хлопотах. С утра до вечера: дома убрать, постирать, огород прополоть, воду из колодца ручным насосом накачать. В свои двадцать три года Маша заметно изменилась — лицо и руки потемнели от солнца и работы, у глаз залегли первые изящные морщинки.

Матушка Сибирь... Тайга - кормилица! Какими щедрыми дарами одаривала она людей, но и спрашивала строго за любое неуважение к своим законам. Правила её были просты: "Бери, но не ломай; жги, но гаси".

Однако люди, беспечные в своих поступках, то и дело нарушали эти негласные заповеди. И тогда тайга горела. Почти каждое лето она полыхала, окутывая тяжелым, едким дымом окрестные селения и угрожая огнем.

А уж за убитых зверей - особенно за матерей - спрос у природы был особый. Правда, расплачиваться за чужую жестокость порой приходилось совершенно другим людям

Зато к тем , кто шел с добром и не ленился, тайга была невероятно щедра. Угощения её были богатыми: малина, черника, голубика, брусника, клюква, калина — всё запасали впрок!

А грибов было такое разнообразие, что хоть косой коси!

А какие там были сенокосные луга! Трава по пояс, а аромат стоял такой, что невозможно надыхаться.

Маша с особым удовольствием и усердием косила эту сочную траву ручной косой, ничуть не отставая от Лёши, - заготавливала сено для родительской коровы.

Лёша работал на лесовозе.

Иногда Маше удавалось вырваться с ним в ночную смену, и она с особым, ни с чем не сравнимым удовольствием возила хлыстовой лес на огромном, ревущем КрАЗе!

За этими трудами быстро пронеслись лето, осень и зима. Моя мама меж тем в каждом письме звала нас переехать к ней ближе. Меня, конечно, нестерпимо тянуло к материнскому

крылу, да и Лёша был в общем-то не против. Но он поставил лишь одно жесткое условие: поедem не к теще, а туда, где обосновался мой брат. Это было далековато от мамы, но все же не так критично, как из Сибири

Уже гораздо позже, спустя годы, я поняла истинную причину этого условия

И мы начали собираться в путь.

Наши друзья, крёстные Маришки, очень огорчились. Да и нам самим было невыразимо тяжело с ними расставаться - наша дружба была редкой, искренней и настоящей !

«Существует поговорка: "Три раза переехать — всё равно что один раз погореть". И это истинная правда! Всего с собой не заберёшь. Вещи раздавались соседям, отдавались за бесценок, и лишь самую малую, самую ценную часть нам удалось вместить в железнодорожный контейнер.

Но самым печальным и болезненным для всей нашей семьи стало расставание с верным псом Боем. Мы все плакали навзрыд. Именно тогда я впервые в жизни увидела, как плачут собаки - настоящими, горькими слезами

Уезжая, мы горячо обещали друзьям и близким, что каждый год будем приезжать сюда в отпуск. Но судьба распорядилась иначе . Лёша вернулся на родину лишь однажды - на похороны отца. Я же не приехала больше никогда.

Впереди нас ждало новое место жительства, незнакомые люди и совершенно чужие законы жизни. Всё это лавиной обрушилось на нас, подвергнув нашу молодую семью первому по-настоящему жёсткому испытанию...»

Вкладка 11

Царапина на очках.

Глава одиннадцатая.

Я выросла в суровом степном крае, где земля никогда не прощала лени.

С самого детства на примере родителей я твердо усвоила, что в наших краях народные поговорки «Что посеешь — то и пожнёшь» и «Как потопаешь

— так и полопаешь» были не просто красивыми словами, а единственным законом выживания. Степь требовала характера, и авторитет здесь измерялся исключительно честным, тяжелым трудом.

Мой брат Владимир был как раз из такой породы — человек удивительно работающий, кремнёвой ответственности и высокой требовательности к себе и окружающим.

К нашему приезду он уже успел заработать в совхозе «Пересвет» безупречную репутацию. Именно его имя стало для нас спасительным билетом: под своеобразный «кредит доверия» к Володе руководство совхоза выделило нашей семье трехкомнатную квартиру в только что построенном доме .

Впрочем, слово «квартира» тогда звучало слишком громко. Наше новое жилье представляло собой поистине печальное, даже пугающее зрелище. Переступив порог, мы замерли от растерянности: вокруг высились голые, серые оштукатуренные стены, от которых веяло сыростью и цементной пылью.

В доме не было ни межкомнатных дверей, ни оконных рам — в пустых глазницах проемов завывал степной сквозняк.

Даже под ногами крылась проблема: пол зловеще прогибался и скрипел. При поспешном строительстве плотники бросили сырые, совершенно необработанные доски, из которых все еще липкими слезами выделялась смола, а между плахами уже чернели глубокие щели.

И всё же, несмотря на эту разруху и понимание, какой колоссальный ремонт нам предстоит, в груди сладко защемило. Сердце колотилось от безумной, чистой радости: пусть без окон и дверей, но это был наш собственный, защищенный от всего мира уголок.

Лёша сразу же устроился в совхоз. Посевная страда была в самом разгаре, поэтому дома я видела его редко, и то лишь глубокой ночью. Вся забота по нашему обустройству мёртвым

грузом легла на мои плечи. Я обивала пороги руководства, выбивая стройматериалы и требуя устранить недоделки в квартире, умоляла распахнуть нам хотя бы клочок земли, ведь драгоценное время для посадок стремительно уходило.

Спасибо моей маме

— она забрала детей к себе на время этого хаоса.

Тяжело, со скрипом, но дела продвигались. Кое-как обустроив одну комнатку, мы съехали от брата в свой дом, чем их, признаться, сильно порадовали - и это было понятно.

Я смертельно уставала и морально, и физически.

Лёша приходил с поля грязный, измотанный и постоянно жаловался: на людей, на тяжёлую работу, на несправедливое начальство.

Какое-то время я находила в себе силы поддерживать и успокаивать его, пока сама не дошла до глухого, звенящего предела.

— Да сколько можно ныть?! — в сердцах, сорвавшись на крик, выдохнула я однажды вечером.

Лёша от неожиданности округлил глаза и даже слегка отшатнулся, будто я его ударила.

Наверное, именно в тот самый миг на ровной доселе линии нашей совместной судьбы прочертилась первая, еще едва заметная глазу трещинка.

Но, как говорится, милые бранятся - только тешатся. А мы всё еще, вопреки всему, оставались милыми. Общая постель быстро примирила, усыпила гордость и снова сблизила нас.

Интенсивная, изматывающая до седьмого пота работа продолжалась и у Лёши, и у меня. Приехавший наконец совхозный трактор наспех вспахал участок возле дома, оставив после себя уродливое месиво.

Он вывернул наружу огромные, спрессованные, каменные валуны суглинистой земли. Нам не дали мягкой пашни — мне в буквальном смысле слова пришлось брать в руки топор и вручную разбивать эти тяжелые глыбы, чтобы хоть как-то измельчить почву под посадку.

Одновременно с этим в квартире началось возведение отопительных печей — в те годы центрального тепла в совхозе не было, все выживали печным отоплением.

Чтобы мастер не простаивал и дело двигалось быстрее, я включилась в процесс: надрылаясь

тяжестью, подносила печнику ведра с вязким раствором и таскала шершавые кирпичи.

Наконец многострадальная земля была готова. Но тут же выросла новая беда: участок нужно было срочно огородить.

Стоило промедлить пару дней, и бродячая деревенская птица вместе со скотиной мгновенно вытоптали и уничтожили бы все наши будущие всходы.

Я почти умоляла Лёшу отпроситься в совхозе хотя бы на один день, помочь. Но он даже попытаться не стал, угрюмо отрезав: «Не отпустят, работы много».

Он всё решил за двоих.

И тогда в один из дней, с раннего утра и до самой ночи, я в одиночку вышла ставить этот забор. Сама, женскими руками, отгородила участок десять на двадцать метров. Откуда только силы брались: натаскала и кое-как вкопала тяжелые деревянные столбы, вручную, до кровавых мозолей, напилела доски, приколотила их... К вечеру я устала так смертельно, что в ушах стоял сплошной тонкий звон, а руки мелко дрожали.

По злой иронии судьбы сильный порыв степного ветра и Лёша явились одновременно.

Поскольку вкопанные мною в суглинок столбы были слабо укреплены, а парусность у наглухо сбитого забора вышла большая, стена не выдержала. Вся моя дневная работа, весь мой непосильный, вытягивающий жилы труд с глухим грохотом повалился на землю — прямо у него на глазах.

Алексей замер на секунду. А потом, согнувшись пополам, захохотал до слез. Ему было искренне, безудержно смешно.

А я стояла посреди этого внезапного краха, смотрела на поваленные доски и молча, беззвучно плакала — от дикой, свинцовой усталости и разрывающей душу, несправедливой обиды.

Именно в этот момент с моих глаз впервые упали розовые очки. Упали и, звякнув о камни, слегка треснули, пустив глубокую царапину по стеклу. Но я упрямо подняла их с земли, вытерла краем подола и снова водрузила на место, заставляя себя верить, что все еще можно исправить.

Вкладка 12

Глаза боятся , а руки делают !

Глава двенадцатая.

Вопреки всему наши дела понемногу продвигались вперед.

Лёша в итоге сам поставил забор — правда, уже не мой, а свой собственный.

Работал он наспех: выбирал тонкие доски разной длины и приколачивал их к перекладинам как придется, без всякого выравнивания, в надежде потом пройти бензопилой по верхушкам готового забора.

Но сырую древесину на солнце быстро повело дугой, доски начали упрямо отыгрывать назад, и в итоге этот кривой, разнокалиберный забор стоял долгие годы как бельмо на глазу, напоминая о его отношении к дому.

Тем не менее, загородка была, и я наконец-то посадила огород. Жена брата щедро выделила мне кое-какую кое-какую рассаду. Когда тонкие зеленые стебельки укоренились и дружно пошли в рост на отвоеванной у суглинка земле, на душе у меня впервые за то время стало спокойнее.

Надо сказать, что сам совхоз в те годы был удивительно процветающим, крепким и благоустроенным. Вокруг раскинулись два огромных, ухоженных фруктовых сада, которые весной взрывались бело-розовым цветением, а само село ласково огибала тихая, полноводная речка, в камышовых заводях которой водились крупные, ленивые щуки.

Наш новый дом стоял прямо на её высоком, обрывистом берегу, откуда открывался потрясающий вид на бескрайнюю степь.

В поселке имелась своя большая средняя школа, и именно это радовало меня больше всего на свете.

Смотря на её окна, я с облегчением думала: теперь моим детям не придется повторять мой собственный тяжелый путь и с малых лет тосковать по дому, мучаясь в интернатах вдали от родительского тепла.

Были здесь и свой уютный детский садик и больница, и добротный, просторный Дом культуры, где по вечерам крутили кино.

Сам поселок всегда оставался образцово чистым, а весной и летом буквально тонул в зелени и благоухал цветущими насаждениями. Казалось, живи да радуйся.

Но тут в наш дом пришла новая беда. Наспех открывая очередную банку с краской для ремонта, я сильно, до кости, полоснула по руке ржавым краем жести. Сначала в суматохе дел не придавала этому особого значения — замотала какой-то тряпкой и пошла работать дальше.

Но инфекция не заставила себя ждать: через несколько дней вся кисть зловеще распухла, посинела и начала гореть изнутри пульсирующей болью.

В местной больнице хирург вскрыл нарыв и обработал рану. Всё, слава Богу обошлось!

Однако за этой черной полосой сразу последовало новое испытание: вскоре выяснилось, что я беременна.

Узнав об этом, Лёша тут же встал на дыбы. Он был категорически, яростно против рождения ребенка - лишний рот и новые хлопоты в его планы не входили.

Защитить себя мне было нечем, и под его жестким давлением мне пришлось сделать аборт.

Жена моего брата, работавшая фельдшером и видевшая всю мою изможденность, решила сама серьезно поговорить с Алексеем о том, что нужно предохраняться.

На что он с сытой мужской наглостью грубо отрезал:

— Еще чего! Я не буду этого делать! Пусть сама думает.

Современным женщинам, выросшим в эпоху интернета, вряд ли понятна такая дремучая дикость. Сейчас доступно море информации и любых средств, чтобы не калечить свое здоровье. А тогда, особенно в глухой сельской местности, всё было иначе - стыдно, темно и беспощадно к женщине.

Но вскоре настало долгожданное, великое событие, которое затмило все обиды: мы наконец-то привезли домой Маришку с Никиткой.

Едва в комнатах зазвучали их звонкие голоса и топот маленьких ног, как застоявшаяся жизнь мгновенно заиграла живыми, теплыми красками!

Ради детей мы сгладили все бытовые шероховатости, притерлись друг к другу.

Глядя на то, как они засыпают в своих кроватках, я верила: впереди нас ждет только счастье.

К осени мы прочно, по-крестьянски обзавелись крепким хозяйством: у нас во дворе уже важно мычали две коровы, в загоне хрюкала пара поросят, а по двору сустились куры.

Урожай в огороде, хоть и был скромным для первого года, но всё же удался

— пахли свежестью пузатые огурцы и упругие помидоры.

В совхозе мы недорого докупили мешки с картошкой и капусту на зиму.

К тому же Лёша оказался заядлым, удачливым рыбаком. Наш стол частенько украшала свежая, пахнущая речной тиной щука с золотистой корочкой. Все были сытые, довольные, а главное - в тепле своего дома.

Время от времени, длинными осенними вечерами, в мою душу еще заползал липкий страх — я вспоминала жуткие угрозы и обещания моего первого мужа-тирана. Но вскоре до меня дошла глухая молва из прошлых краев: его посадили. Эта новость обрушилась на меня как благословение — я наконец-то смогла вздохнуть полной грудью, зная, что опасность далеко за решеткой.

Мы с Лёшей снова были счастливы. Но эта тишина, как оказалось позже, была лишь короткой, обманчивой передышкой перед новой, сокрушительной бурей.

Вскоре меня начали мучить сильнейшие, изнуряющие боли в позвоночнике.

Прострелы были настолько дикими и внезапными, что парализовали волю, а пару раз от резкой вспышки боли в глазах просто темнело, и я теряла сознание. Лёша в те черные дни взял весь быт на себя: работал, сам ухаживал за скотиной, безропотно готовил нехитрую еду.

В моменты острых приступов я превращалась в беспомощную куклу — не могла даже пошевелить пальцем ноги, не разрываясь от беззвучного крика.

Но жизнь не стояла на месте, нужно было зарабатывать, и вскоре мне подвернулась вакансия завхоза в нашей местной больнице.

Всё бы хорошо, место солидное, но специфика работы оказалась безжалостной к моему телу — там постоянно приходилось таскать тяжести, коробки и тюки. Из-за вечной, непрекращающейся боли в пояснице я уже не могла ходить прямо: постоянно валилась на один бок, сильно прихрамывая на ногу и волоча её за собой.

Однажды Лёша привез целую гору свежего сена, остановился у сарая и привычно командовал:

— Лезь наверх, на сеновал, и разравнивай. А я снизу буду кидать!

Пока я, цепляясь зубами за воздух, карабкалась по зыбкой лестнице, спину несколько раз прошило раскаленным железом. Сдерживая дикий крик и размазывая по лицу слезы вперемешку со степной пылью, я кое-как вползла на стог.

Сил не было вообще. А он, заметив мою заминку, лишь зло и раздраженно бросил снизу, даже не глядя на меня:

— Да когда ты уже перестанешь издеваться надо Мной со Своей спиной!

Вот в этот самый миг меня будто ледяной водой окатило. Я окончательно, бесповоротно поняла: всё мое выстраданное семейное счастье было фальшивым, нарисованным.

Наверное, не зря я в юности проявляла недюжинные способности к рисованию, тонко чувствовала холст и всерьез готовилась учиться на художницу...

Да только мама тогда не пустила.

Испытания продолжают.

Глава тринадцатая.

Прошел год нашей жизни на новом месте.

Зима выдалась невероятно снежной.

Суровые метели и бураны так замели округу, что расчищенная до райцентра дорога превратилась в глубокий тоннель со снежными стенами высотой чуть ли не в три метра!

Весна пришла дружная, бурная, и наша тихая речка вмиг превратилась в грозную стихию.

По деревенским улицам бурлящим потоком неслась вода, а к нашему сараю то и дело подвигало тяжелые льдины. Радовало лишь одно — наш дом стоял на высокой возвышенности, и до него вода не добиралась.

Но большая вода оказалась не единственным испытанием этой весны. Вместе с первыми ласточками или еще с кем-то (о ком на ночь глядя лучше не вспоминать) в наш дом пришло письмо

Писал Дмитрий - мой первый и, надеюсь, последний в жизни тиран. Отсидев всего год, он умудрился освободиться по амнистии. В письме бывший муж рассыпался в откровениях: уверял, что многое понял, без памяти любит меня и сына. Клялся, что больше в жизни не прикоснется к спиртному, и слезно умолял простить его за все побои.

Надо признать, просить прощения он умел мастерски — так было всегда.

Я без утайки показала это письмо Алексею.

Мы вместе посмеялись над его запоздалым раскаянием и быстро забыли об этом.

Однако прошло совсем немного времени, и от мамы пришла новая весть. Всё вышло точь-в-точь как в той старой песне: «Милый мой женился, нарушил клятву он». Дмитрий спешно женился на русской немке, и они полным ходом собирались уезжать на постоянное место жительства в Германию.

Наша жизнь шла своим чередом. Боль в спине стала моим постоянным спутником, я к ней даже как-то притерпелась. Научилась помогать себе сама: туго перевязывала поясницу и колола обезболивающие без всяких врачебных назначений.

Жизнь в деревне никогда не бывает легкой, но в далекие девяностые, когда всюду развернулась перестройка, началось настоящее выживание. Все вокруг стало стремительно рушиться. В совхозе перестали выплачивать зарплату, племенной скот вырезали, а ухоженные поля бросали на произвол судьбы. Нам повезло, что я работала в бюджетной организации — моя хоть и небольшая зарплата приходила регулярно.

Однако из-за невыносимой боли в спине мне всё же пришлось уйти из больницы. Без дела я не осталась: вскоре мне предложили место в местном Доме культуры. У меня был небольшой

навык игры на баяне, хорошие организаторские способности, да и пела я неплохо. Вскоре и Лёша смог устроиться доставщиком в местный магазин.

Казалось бы, жизнь снова повернулась к нам лицом. Но наше относительное благополучие многим встало поперек горла. Кому-то это настолько не понравилось, что наш дом, да и весь поселок, вдруг стали закидывать грязными анонимными письмами о моем якобы порочном поведении.

Лёша поначалу меня успокаивал, но, как говорится, на чужой роток не набросишь платок. Сплетни уже поползли по селу. Я всегда старалась ухаживать за собой: аккуратная прическа, легкий макияж, да и одежда моя заметно выделялась, ведь шила я её сама. Видимо, эта ухоженность и раздражала местных кумушек. Я физически ощущала на себе косые взгляды, ловила шепотки и насмешки за спиной.

В какой-то момент у меня просто опустились руки, и я твердо решила уволиться.

Но в дело вовремя вмешались местная администрация и участковый. К нашему удивлению, анонимщика быстро нашли. Им оказалась невзрачная местная девчонка — судя по всему, писавшая гадости под чью-то диктовку. Мне стало искренне жаль её, и я не стала раздувать скандал. Письма после этого прекратились.

Казалось бы, всё улеглось. Но эта грязная история оставила глубокий след: наши отношения с Лёшей незаметно, но безвозвратно изменились. Он стал часто раздражаться по пустякам, начал покрикивать на меня и на сына. Я, конечно, молчать не стала и сразу вставала на защиту ребенка. Так в нашем доме начались перепалки — пока еще небольшие, но частые!

Тем не менее жизнь продолжалась — тяжело, на износ, но продолжалась. Дети росли, расходы вместе с ними тоже увеличивались, а работы только прибавлялось. Мой день начинался в половине пятого утра: нужно было подоить коров, выгнать их в стадо, переработать молоко, накормить всю семью и скотину, управиться на огороде, а затем бежать на основную работу.

Хронический недосып стал моим постоянным состоянием, ведь мероприятия и кружки в Доме культуры часто заканчивались поздно вечером.

От этой бесконечной гонки и физического истощения я начала ломаться. Стала нервной, вспыльчивой, срывалась по пустякам. Наш дом перестал быть тихой гаванью, и семейные отношения теперь трещали по всем швам.

Однажды во время очередной поездки к маме я не выдержала и в слезах призналась ей, что хочу развестись с Лёшей. Рассказала, что мы стали совсем чужими, что он постоянно меня обижает и придирается. Но вместо поддержки и утешения мама устроила мне жестокую выволочку. Она ругала меня так сильно, что в душе поселилась глубокая, глухая обида на неё.

Больнее всего было услышать её слова:

— Да ты спасибо должна сказать, что он вообще подобрал тебя!

После этого разговора внутри меня что-то окончательно сломалось. Конечно, развиться я тогда не стала — побоялась остаться одна без поддержки под грузом материнского осуждения. Но с того дня трещина пошла не только по моей семье: отношения с мамой были безнадежно испорчены.

Граф.

Глава четырнадцатая.

В один из дней я, закончив утренние дела и оставшись одна, заварила чай и села завтракать. Я любила такие минуты, когда можно выдохнуть и немного расслабиться.

Аромат свежего чая разносился по комнате.

Вдруг дверь отворилась и явила Никиту. Он заговорщически улыбался и что-то прижимал за пазухой.

— Никита, ты почему вернулся? Занятия уже начались. — встревожилась я.

И тут из проёма расстёгнутой куртки выглянула очаровательная рыжая головка щенка — зеленоглазая, лопоухая и милая!

— Мам, смотри, кого я принес! Это Граф, он от породистой собаки, Московской сторожевой, и с нежностью поставил его на пол.

Так в нашу семью пришел верный и любимый друг!

А время шло в трудах и заботах. Проблемы множились, как снежный ком!

Прошлым летом при исследовании крови одну корову признали больной, её дочка погибла при странных обстоятельствах. В момент нашего отъезда на свадьбу племянницы заболели рожей и погибли пара свиней, одну я успела спасти, проколов ей уколы бициллина.

В магазине были пустые продуктовые полки, домашние запасы муки, сахара, круп истощились. Спасал Лёша — он работал в этом магазине доставщиком и понемногу приносил домой продукты, чтобы хоть как-то существовать. Продукты были по талонам, но хватало не всем.

Никита уже стал подросток - высокий, плечистый, учился в девятом классе.

Маришка вся такая утончённая, умница, отличница в шестом.

Одежда вся поизносилась. Благо, что у меня в руках было ремесло, я перешивала, перелицовывала старую одежду. О себе и говорить нечего, потому что ничего не было!

Немного возвращаясь назад, из Дома культуры всё же я ушла, потому что домашние дела и забота о детях требовали моего полного погружения. И ещё очень трудно мне было с больной спиной месить грязь. В то время улицы были грунтовыми, и трактора и машины прорезали колеи по пояс.

А когда их наполняли водой, они становились просто непреодолимым препятствием.

Лёша совсем изменился. Постоянные нехватки душили, нужно было кормить семью, нужно было добывать корм скотине, которого тоже стало очень мало, потому что совхоз пришёл в упадок. Я всё реже и реже видела в нём того Лёшу — весёлого и неунывающего сибиряка, но я его помнила и все еще любила!

Опять Дмитрий.

Глава пятнадцатая.

Не зря в народе говорят, что земля слухом полнится.

Докатались глухие домыслы и до нашего совхоза — правдивые ли, с искажениями, мне было неведомо, да и неважно.

Поговаривали, что Дмитрий, мой первый муж и палач, ненадолго приезжал на родину вместе со своей новой пассией и ребенком.

Местные кумушки в красках расписывали странное, дикое поведение его женщины.

Якобы во время деревенских танцев в клубе она вдруг ни с того ни с сего подошла к окну, с треском оторвала кусок занавески и, безумно улыбаясь, повязала его себе на голову как косынку.

Вообще-то я всегда презирала пустые сплетни и жестко пресекала их распространение в своем присутствии. Но застарелая, глухая обида всё еще ядовитой змеей жила в моем подсознании. И скрывать не стану: эти новости легли на мою израненную душу целебным бальзамом. Я искренне, зло радовалась неудачам человека, который когда-то хладнокровно, не задумываясь, сломал мою юность и мою жизнь, словно сухую ветку под ногами.

В то знойное лето я устроилась подработать на зерновой ток весовщицей. Вокруг стоял оглушительный гул машин, в воздухе плотной завесой висела золотистая, щекочущая горло пшеничная пыль, а солнце нещадно калоило железную крышу весовой.

В один из таких рутинных дней ко мне на ток ворвался взволнованный, запыхавшийся Никита.

Сын был в одних мокрых плавках, а его худые мальчишеские ноги по самое колено облепила подсохшая речная грязь — видимо, бежал напрямик не разбирая дороги.

— Мам, он приехал: - тяжело, со свистом дыша, испуганно протараторил он, оглядываясь на ворота. — Я на улице увидел крутую иномарку, а в салоне с ним наша Лена сидит...

Я так испугался, что сразу к тебе рванул!

У меня внутри всё мгновенно заledenело ,а перед глазами поплыли серые круги.

— Тише, сынок, тише... Сделай вдох и скажи спокойно: кто этот «он»? — как можно ровнее постаралась произнести я, хотя у самой мелко задрожали руки, когда я зачерпнула и подала ему холодную воду в старом алюминиевом ковшике.

Сын на секунду замялся, опустил глаза и проговорил тихо, но с такой взрослой, клоко-чущей злостью, от которой у меня по спине пробежал мороз:

- Мой первый отец!

Эти слова прозвучали для меня как оглушительный гром среди абсолютно ясного, мирного неба. В голове закружился вихрь панических мыслей: как? Когда? От кого он успел узнать эту правду, которую я так тщательно, годами скрывала и оберегала от него , но ответ на этот безмолвный вопрос пришел ко мне сам собой, горький и очевидный: «Эх, голова твоя садовая! У Никиты же фамилия совсем другая, а мальчишка-то уже вырос, давно всё замечает, сопоставляет и понимает!»

Спрятаться было невозможно. Мы с сыном вернулись домой. Наш двор замер в каком-то звенящем ожидании.

Да, там действительно стоял Он — изменившийся, а рядом с ним жалась моя племянница Лена. Видимо, Дмитрий прекрасно помнил свои былые «подвиги» и просто побоялся явиться в одиночку, решив прикрыться родственницей как живым щитом.

Я человек понятливый, да и Лёша, к счастью, проявил недюжинную житейскую мудрость.

Мы не стали вставать у них на пути, не бросились с криками выгонять незваного гостя и устраивать сцены.

В тот момент, переглянувшись с мужем, мы молча приняли одно-единственное правильное решение:это жизнь Никиты. Это его личный, непростой путь, его кровь, и только ему решать, как строить отношения с этим человеком.

Мы отошли в сторону.

Так Дмитрий, переступив через годы разлуки и страха, опять вернулся в нашу жизнь. Пусть нехотя, пусть лишь боком и тенью... Но прошлое снова напомнило о себе.

и в горе , и в радости!

Глава шестнадцатая.

Конечно, в нашей семье были не только заботы — были и праздники, и приключения, и походы на природу!

Мы с дочкой к каждому событию старались придумать особое меню и обязательно пекли медовик. Я очень хотела, чтобы взрослые дети вспоминали об этих семейных, уютных традициях.

В летнее время мы переправлялись всем семейством, включая Графа, на другой берег реки. Никита ловил раков, и мы, сварив их тут же на костре, весело и с удовольствием их смаковали.

Граф тоже очень уважал такие посиделки и, не стесняясь, цеплял целиком рака с нашего импровизированного стола, чем очень смешил нас! Он вырос в крупного, ярко-рыжего, зеленоглазого и по-прежнему лопухого пса. Мы все его любили! А однажды случайно выяснилось, что он хорошо поет под баян. Когда я начинала играть, с улицы доносилось его старательное подпевание!

Все вроде бы нормально, как у всех. Но какая-то пустота в моей душе росла по всем параметрам. Любви не было. Лёша был недоволен, ему хотелось близости, а я не могла. Моё тело противилось как будто, а когда случалась близость в постели, у меня накатывала тошнота.

Мама с семьей старшего брата приезжала к нам каждый год, за лето пару раз, но постоянно прямо за столом ругала меня за то, что редко и помалу пишу. «А вот Лёша молодец, — говорила она, — он напишет так напишет, несколько листов мелким почерком».

Если я пыталась возражать, мама отрезала: «Какая ты стерва, мать тебе слово, ты в ответ - десять!»

Отвлекусь!

Я не хочу сказать, что моя мама была плохим человеком, я ее любила и люблю по сей день, но близости не было! Мне очень жаль!

А я все еще была молода, Лёша старше на десяток лет.

Не скрою, мужчины поглядывали на меня и пытались делать определенные шаги.

И однажды, каюсь, я поддалась своим эмоциям и ответила одному синеглазому, такому яркому и глубоко женатому мужчине!

Да такая страсть охватила меня, что вспомнить стыдно. Но что было, то было.

Возможно, мое чувство вины перед мужем держало наш брак многие годы

Ах ты реченька Глава семнадцатая.

Весной наша речка полноводная и грозная, а летом — тихая и безобидная.

Относиться к ней можно по-разному, но ее законы нужно соблюдать неукоснительно. Каждое лето она жестоко и безвозвратно наказывала нарушителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.